

Поселение голландцев-меннонитов в дельте Вислы с середины XVI века до прусского периода. Часть 2.

Автор Хорст Пеннер.

Перевод Владимир Петрович Редекон.

Фамилии западно-прусских меннонитов Густава Э. Реймера.

<https://www.mharchives.ca/wp-content/uploads/2021/11/HorstPennerEnglishGHP1963.pdf?fbclid=IwAR1btjFpitjX473M59DXihKZ-EemTp10I6S8dUDGDGGzd7QmhzrhWqdw30>

Похоже, что с тех пор их не беспокоили подобные требования. То, что это была петиция не небольшого меньшинства, а то, что меннониты составляли, безусловно, большинство среди голландцев, видно из другого вопроса, который несколько десятилетий спустя, в начале следующего столетия, самым серьезным образом занимал фермеров данцигского "Вердера". Осенью 1613 года, в результате уже очевидных споров между Швецией и Польшей, которые грозили втянуть в Данциг, совет приказал подданным Штублау-Вердера принять участие в военной инспекции. В то время как другие фермеры собирали оружие и снаряжение, голландские деревни этого не делали. Мэры Штублау-Вердера жалуются на это в петиции в совет: "Голландцы еще ничего не закупили для сбора. Мы предполагаем, что они также не будут закупать что-либо для сбора в будущем, не говоря уже о том, чтобы собрать самих себя. Это очень обременительно для нас, иностранных подданных, и

кажется нам очень странным. Ибо, если, не дай Бог, враг совершит вторжение в Вердер, он наверняка посетит не только фермеров Вердера, но и равнинные деревни, где есть прекрасные лошади и крупный рогатый скот, а амбары и стойла полны ими".

"Поэтому мы просим Совет организовать проверку жителей равнин, так же, как и нас, ввиду того факта, что без этого у них больше свобод, чем у фермера, исполняющего шарверк на дамбах, а также во многих других отношениях". После этого Совет вступил в переговоры с голландскими меннонитами, которым их религиозные принципы запрещали брать в руки оружие. Результатом стало решение совета о том, что Нижние деревни также должны быть призваны на сборы. Однако в этом указе "Вердеру" было одно ограничение, которое во многом пошло на пользу голландцам. В нем говорится: **"В случае, если кто-либо не может проходить военную службу по возрасту, физическому состоянию, недееспособности или совести, а также если кто-то не может занять его место, он обязан выплатить 3½ фл. польский в месяц с каждого клочка земли"**.

На практике это означало, что голландцы освобождались от военной службы в обмен на денежную выплату. Таким образом, постепенно сложился особый статус голландских деревень, основанный на культурных различиях между голландцами, фризами и коренными восточными немцами. Они говорили на своем собственном диалекте, по-своему вели бизнес и не строили свои фермы вдоль общей деревенской улицы, как это обычно имело место в остальной части страны. Отдельные усадьбы были разбросаны на обширной территории, каждая окружена своей собственной землей. Они жили под одной крышей на манер фризского дома-сарая со скотом и припасами. **Испытывая отвращение к любому виду принуждения, они с самого начала отказались исполнять Шарверк или подобное "рабство"**. И последнее, но не менее важное: именно строгая приверженность их религиозным убеждениям проводила различие между пришельцами и

туземцами. Поэтому неудивительно, что общинная деятельность, начавшаяся в голландских деревнях, в первые века своего существования практически не выходила за рамки фермерского населения - голландцев-меннонитов. Я имею в виду взаимное страхование от пожаров, которое было учреждено в начале 17 века, а именно в 1622 году, и подтверждено тогдашним мэром Данцига. Причиной отсутствия других фермеров в Вердере, возможно, также было централизованное строительство немецких ферм; где взаимное страхование от пожара, казалось, приносило им мало пользы по сравнению с более рассредоточенными сельскими хозяйствами голландцев. Взаимность заключалась в том, что, если имущество фермера было повреждено пожаром, остальные совместно участвовали в восстановлении. Вначале деревни присоединились к страховой компании, чтобы покрыть всю общественную собственность. Доля платы за страхование от пожара рассчитывалась в расчете на одного жителя, и с индивидуального фермера взималась плата в зависимости от размера его собственности. Взаимопомощь, однако, состояла не только в денежных выплатах, но и в оказании помощи фермерам в уборке, а затем в доставке строительных материалов и, наконец, в самом строительстве. Во всеобъемлющих противопожарных правилах были точно прописаны условия; среди них - средства пожаротушения, ведра и лестницы, которые каждый обязан был держать наготове. Что делает эти противопожарные правила особенно ценными для меня в моем расследовании, так это тщательно хранимые реестры застрахованных деревень и фермеров. Иногда присутствует даже судебный штамп, но всегда указывается точное количество хуфенов и моргенов отдельных фермеров. Несколько раз создавались новые реестры. Первый был проведен в 1622 году; новые регистры были введены в эксплуатацию в 1673, 1723 и 1748 годах. Сравнивая имена голландских иммигрантов, а затем снова с реестром меннонитов 1789 года, можно довольно точно определить район голландско-фризского

поселения по страховым реестрам. Одно из выводов, которое мы можем сделать из реестров, заключается в том, что голландцы редко селились в больших количествах в так называемых деревнях Шарверк-Шарверксдорферн в Штублау-Вердере. Во-первых, деревни уже существовали, а во-вторых, голландцы очень неохотно исполняли Шарверк. Исключением, однако, является Вотцлафф, который является самой низкой точкой впадины, лежащей на 1-1,50 м ниже уровня моря. Он был заселен примерно в 1620 году большим числом голландцев, потому что они были единственными, кто мог успешно заниматься там сельским хозяйством. В 1675 году мэр Корнильсен и член городского совета Дау оформили страховку от пожара для своей деревни, и имена фермеров включают Никель, Филиппсен, Якобсен, Герцен, Зиенен, Корнельсен, Клаассен, Дау, Янцен, Квириг, Фельгенгауэр и Энце. Земля в деревне находится в основном в руках голландцев. Однако в реестре есть имена пяти мелких фермеров, чья принадлежность к голландии кажется сомнительной. До середины 18 века Шенау и Сперлингсдорф находились под влиянием растущей голландской иммиграции, которая, вероятно, никогда не завладевала более чем половиной земель. Кроме того, в Кесемарке, по-видимому, в определенное время было несколько голландских фермеров, но они никогда не играли там решающей роли. Напротив, две деревни Пленендорф и Нойендорф, находящиеся в ведении строительного управления *Bauamte*, были очень рано заселены голландскими иммигрантами. Здесь также речь идет о низменных землях, которые предоставили им подходящую возможность применить свои навыки в области дренажа. Ранее мы видели, что меннониты уже поселились в Нойендорфе к 1582 году. Постепенно, благодаря иммиграции из Нидерландов и голландских деревень, их становилось все больше, так что к 1725 году в их распоряжении была вся деревня. Аналогичная ситуация и в Пленендорфе. Пол Корнелис назван мэром этой деревни, а Петер Корнелизен и Мейнерд Арендсен как фермеры из

Пленендорфа упоминаются в юридической сделке 1629 года. Согласно реестру 1675 года, фермеры деревни по большей части голландско-фризского происхождения. Ранее мы отмечали, что голландцы с трудом закрепились в южной, возвышенной части деревень Штублау-Шарверк, но это совершенно не относится к другим землям, расположенным ближе к Данцигу. Эти земли принадлежали по большей части церковным землевладельцам, которые были более щедры по отношению к меннонитам, чем сам город. Урожайность голландских фермеров и, следовательно, доход от аренды были выше среднего по сравнению с другими арендаторами. И церковные землевладельцы не могли игнорировать эти результаты. В начале периода заселения больницы Хайлиге Гейст принадлежала деревня Крамплиц, а также деревни Вайсхоф и Шайбе. Я не смог найти договор об урегулировании, но смог найти обязательство двух голландцев Брандта Дирксена и Якоба Дирксена от 1622 года присоединиться к страхованию от пожара голландских деревень с вышеупомянутыми населенными пунктами. В течение следующих двух столетий меннониты арендовали фермы, принадлежащие больнице. Также на другой стороне Моттлау, в Нойнхубене, у нас такая же ситуация. Некогда созданный путем отделения 30 Хуфенов от Хохцайта, Нойнхубен, вероятно, существовал и раньше, но, безусловно, с середины 17 века он все чаще заселялся голландцами и оставался таковым в следующем столетии. Позже, когда притеснения меннонитов уменьшились, они построили здесь церковь, чтобы окрестным фермерам не приходилось совершать долгую поездку в Данциг весной, когда дороги были непроходимы. Нойнхубен, а также Нассенхубен и Хохцайт принадлежали лютеранскому члену совета Данцига Герхарду фон Пренену с 1638 года. Однако в последних двух деревнях число типичных голландско-меннонитских фамилий увеличивалось с начала 18 века, пока в 1798 году они в конечном итоге не превзошли численностью голландских фермеров в этих двух деревнях. Гросс и Кляйн-Вальдорф, также Квадендорф,

очень рано фигурируют в реестре пожаров голландских деревень. В 1622 году мэр Адам Хайнрихс и член городского совета Франц Герцен уже были зарегистрированы в пожарном реестре 34 хуфенов Гросс-Вальддорфа, а в 1675 году мэр Андрес Хиндрихс и член городского совета Андрес Никель зарегистрировались в деревне. Также в последующие десятилетия имена Янцена, Петерсена, Никелса и Герцена, а также Мартенса доминируют на страницах пожарного реестра, который содержит информацию о жителях Гросс-Вальддорфа. Однако следует предостеречь, поскольку для этой оценки использовались только те имена, которые типично являются голландско-меннонитскими.

Оглядываясь назад, мы можем с полным правом утверждать, что плодородные поля и луга в Данцигском Вердере, которые лежат ниже уровня моря, являются этнологическим достижением голландцев и фризов. От Шмерблока до пригородов Данцига вдоль Вислы тянутся голландские деревни. В Райхенберге район голландских поселений делает поворот на юг, доходит до Шенау и Ландау, а затем достигает своей западной границы в “Озере”, а затем в Моттлау. Самая юго-западная часть котловины, за “озером”, никогда не была заселена голландцами в сколько-нибудь заметной степени. Причина этого мне неизвестна. Из имен, дошедших до нас от Шарфенберга, ясно, что не все голландцы были меннонитами, и что меннониты среди них мигрировали из “голландских деревень” Данцигского Вердера с середины 17 века. Главной причиной этого было все более недружелюбное отношение Совета к меннонитам. В 1650 году им было запрещено приобретать землю за пределами города. В 1660 году Совет запретил всем меннонитам на территории Данцига исповедовать свою религию и приказал беспокоить их и препятствовать их собраниям. В то же время неизвестные источники распространили в Данциге брошюру под названием “Информация против меннонистов”. Что еще хуже, во время шведско-польских войн шведы затопили всю низменность. В течение нескольких лет поля нельзя было возделывать. Под этим

давлением со всех сторон началась сильная миграция в Гросс-Вердер, который в то время принадлежал польскому королю.

Фамилии западно-пруссских меннонитов Густава Э. Реймера

1. Фламандцы (выражения "фламандский" и "фризский" относятся лишь к слегка различающимся теологическим взглядам между двумя группами, а не к их происхождению) сельские общины (Tiegenhagen, Ladekopp, Rosenort, Fürstenwerder, Heubuden, the Elbinger, сельские районы Эльбингер и жители городских районов Данцига, проживающие в Данцигский "Вердер" Danzig Werder). Вот несколько имен, которые встречаются только здесь:

Andres, van Bergen, Bergmann, Driedger, Enss, Epp, Esau, Fieguth, Harder, Loepp, Reimer, van Riesen, Thiessen, Warkentin, Wiehler

2. Фризские сельские общины Thiensdorf and Orloffelfelde (Bestvater, Dau, Engbrecht, Hein, Holzrichker, Horn, Meckelburger, Quiring, Unger, и др.).

3. Фризские общины в низменностях верхней Вислы (Montau, Schönsee, Obernessau). Имена: Balzer, Becher, Ediger, Goede, Goedert, Konert, Kerber, Rosenfeld, Tiaht

4. Старофламандские общины Schönsee, Jeziorken, Przechowka and Deutsch Konopat (Becker, Decker, Frey, Pankratz, Naehring, Ratzlaff, Tessiner etc.).

5. Фламандский муниципалитет Данциг-Сити, а также городская часть муниципалитета Эльбинг (van Almonde, Bachdach, Boliee, Emaus, Engmann, Focking, Herich, Kauenhoven, Mahl, Nehm, van Niessen, Ordon, Seemann, Stutmann, Utesch).

6. Фризский Gemeinde Danzig-Neugarten (Ahinger, Donnet, van Dühren, van Eyck, Feidt, Gillis, van Hoeck, Hommel, Kinn, Meister, Minn, Schuster, Siebing, Unstätt, Wedling, etc.).

Позже были основаны общины Tragheimerweide, Königsberg, Memelniederung and Kazun, где семьи из разных мест уже смешались.

Однако большое количество фамилий встречается в нескольких или даже во всех группах одновременно. Браки между различными группами, особенно между фламандцами между собой и фризами между собой, стирают различия. Кроме того, между городом и деревней существовали очень тесные кровные связи не только из-за урбанизации фермерских семей, но и из-за примечательного обстоятельства, что часто от чисто городских семей, фермерских семей отходят линии (Busenitz, Donner, Sprunck, Sudermann, de Beer, Zimmermann). Интересной особенностью группы 3 являются многочисленные, среди которых отчетливо городские, названия профессий среди населения фермеров, которые мы находим в Montau: Becher, Boettcher, Deckemaeker, Grütter, Hacker, Kaedtler, Kerber, Kliewer, Köpper, Krüger, Mesmaker, Mürer, Schmidt, Schoman, Schrieffer, Schroeder, Schwegler and Shelter.

Разделение общин на фризскую и фламандскую группы произошло только после их расселения в Западной Пруссии. Но если, например, члены фризской общины Орлофферфельде поселился среди членов фламандской общины в Гросс-Вердере, но носил те же имена, что и члены фризской общины Тьенсдорф в Кляйн-Вердере, что наводит на мысль о различном происхождении двух групп, существовавших до разделения. Особенно тесная связь определенной группы здесь с определенным ландшафтом в Нидерландах как бывшей родине не может быть доказана имеющимися документами.

В основном упоминается Амстердам, который является родиной обеих церковных фракций в Голландии. Отношения с родиной сохранялись еще долгое время, самым продолжительным примером был Данциг, где они были связаны в то же время торговыми связями. Таким образом, даже в поздние времена в Данциге наблюдалось возвращение членов общины в Голландию и приток новых оттуда. Был также такой обмен с Гамбургом. В Данцигском меннонитском реестре 1681 года рядом с именами Флеквер и Номех (Noe) есть пометка "из Гамбурга", а в конце 17 века один раз появляется имя известной гамбургской меннонитской семьи ван дер Смиссен. В этом контексте было бы полезно начать расследование имен в общинах меннонитов Северо-Западной Германии и Нидерландов. Наконец, следует кратко остановиться на первых именах. Обычно говорят, что меннониты склонны выбирать ветхозаветные имена. Но это не совсем так. Помимо наиболее распространенных имен, таких как Ганс, Петер, Генрих, Корнелиус, Герт, Франц, Беренд, Клаас, Аренд, Дирк и Харм, часто встречаются имена Авраам, Исаак, Иаков, Давид и реже Даниэль и Элиас. Но есть и другие имена, такие как Адам, Абсалон, Вениамин, Эмануэль. Гавриил, Ионас, Мельхиор, Нафанаил, Соломон, Самуил, Товиас, которые были довольно популярны среди лютеран в прежние времена, вообще не встречаются или встречаются очень редко в тех конгрегациях, которые были несколько более открыты влиянию окружающей среды, во фризской и государственной конгрегациях. Среди меннонитов имена Альбрехт, Андрес, Антон, Дау, Эрдман, Герген, Гиллис, Изебранд, Ленерт, Мартен, Мишель, Пауль, Филипп, Симон, Штеффен, Томас и Виллем были распространены среди меннонитов к концу 18 века.

Предыдущие посты, которые могут быть перечислены: Адриан, Арно, Бастиан, Борхерт, Джессика, Эверт, Франк, Гедерт, Гисберт, Гуссен, Правительство, Хюберт, Йост, Конерт, Ламмерт, Левен, Люберт, Людвиг, Маркс, Маттис, Мюссерт, никель, Рейнхольт,

Рихерт, Сиверт, Тилман, Вессел, Вихерт, Вибе и Винхольд. В дополнение к германизированным именам, существует также ряд старонемецких личных имен, и некоторые из них сохранились здесь дольше, чем где-либо еще, независимо от преобладающей моды. Одно из наиболее распространенных имен, которые встречаются неоднократно, особенно заметно Даниэль у Левенов или Соломон у Бехеров, тогда Духи меннонитов, называющие семена, выражают себя не столько в выборе каких-либо имен, сколько в сохранении традиционных.

Многие имена характеризуются родиной предков (Дирк, Клаас, Корнелис, Гиллис, Адриан), по которым можно легко узнать меннонитов в Западной Пруссии. Некоторые названия вышли из употребления, другие были изменены по мере того, как они становились непонятными для последующих поколений. А. "Церковная книга Данцига один раз правильно написана Готардом, другой раз Герхардом и третий раз Гидеоном". Еще труднее понять... некоторые из них сохранились в своей старой фризской одежде для посторонних, которые стали частью их официальных обязанностей. В 1763 году католический священник из Лихтенау написал рядом с именем "Дерк" на полях церковной книги: "Это имя необъяснимо" (This name is unexplicable). В 19 веке имена Аренд стали Ароном, Джиллис - Джулиусом, И, вероятно, Дау был объединен с Дэвидом. Еще более характерными, чем больные, являются имена. Я упоминаю здесь, например, имена из церковной книги данцигского муниципалитета за последнюю треть XVII века: Алке, Агтке, Анкке, Ангнеетке, Барбке, Друде, Эльске, Энгельке, Эвке, Гардке, Гертке, Гестиенке, Гретке, Гритге, Гункке, хедтке, итке, йердтке. Янке. Юдке, Клаерке, Ламмерти И Ленке. Лиске и Лизбетти. Мардж, Мари, Мари, Марике, Майке, Мериенке, Меренске, Медленке, Мехелке, Нильке, Элькен, Орлке, Орти, Региенке, Санкке, Саерке, Сочтьен, Штиенке, Триенке, Труйти, Венделке, Вилле, Зелке и Зоффике. Отличительная черта меннонитов

заключается как в единообразии их имен, так и в своеобразии чеканки монет.

Ru - от имен собственных (личных [первых] имен). Лежащие в основе имена собственные во многих случаях сегодня больше не используются, но там, где они все еще встречаются в качестве данных имен в более ранние времена, это особо отмечается.

Vn - фамилии, производные от рода занятий или профессии.

On - имена, производные от места происхождения или от места жительства. Часто невозможно определить, происходит ли название от фиксированного топонима или от местности имя, название поля и т.д. (Борн, Нойфельд, Ведель). Кроме того, в случае нескольких мест с одинаковым названием (таких как Берген, Нойдорф) невозможно определить, какое именно место дало это название.

Ūn - семейные имена, которые произошли от прозвищ в честь выдающейся характеристики (Hooge, Schwarzbart), в честь рода занятий (Funk, Rintfles) или от названий домов [поместий или манор]. Во многих случаях более точное различие провести невозможно. Названия Krahn (корона или журавль) с таким же успехом могут быть присвоены названию поместья, как и физическим характеристикам.